

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЯКУБОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 7265/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 ноября 2011 г.

вступило в силу 4 июня 2012 г.

Настоящее постановление вступило в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Якубов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), проведя заседание Палаты, в состав которой вошли:

Нина Вайич, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранк, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя заседание 18 октября 2011 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 7265/10) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Узбекистана Умидом Алимджановичем Якубовым (далее – «заявитель») 4 февраля 2010 г.
2. Интересы заявителя представляли юристы неправительственной организации Европейского центра защиты прав человека (ЕНРАС) / Правозащитного центра «Мемориал». Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г. Матюшкин.
3. 4 февраля 2010 г. Председатель Первой Секции принял решение применить Правило 39 Регламента Суда, указав Властям, что заявитель не должен быть выслан в Узбекистан до получения дальнейшего уведомления, а также принял решение рассмотреть его жалобу в приоритетном порядке в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.
4. 11 марта 2010 г. Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти о поданной жалобе. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1969 г. и в настоящее время проживает в Рязани.

А. Общая информация по делу и прибытие заявителя в Россию

6 . В 1999 г. заявитель, проживавший на тот момент в Республике Узбекистан, начал изучать ислам и посещать мечеть в Ташкенте. В неустановленный день в 1999 г. сосед заявителя сообщил о том, что заявитель предположительно является участником организации «Хизб ут-Тахрир» («Исламская Партия освобождения», далее – «ХТ»), транснациональной исламской организации, запрещенной в России, Германии и ряде государств Центральной Азии.

7 . По утверждению заявителя, участником ХТ он не являлся.

8 . После жалобы соседа заявитель был арестован местной милицией. Во время нахождения под стражей ему не давали пищи и воды, жестоко избили, повредив позвоночник, вследствие чего после освобождения ему пришлось обратиться за медицинской помощью. Хотя он смог заплатить денежную сумму, чтобы избежать уголовного преследования, 20 ноября 1999 г. Ташкентский городской суд признал его виновным в административном правонарушении по причине участия в «Хизб ут-Тахрир» и постановил поставить его на профилактический учет в милиции.

9 . По утверждению заявителя, в период между 1999 и 2008 гг., в рамках профилактического учета, правоохранительные органы Узбекистана неоднократно задерживали его на различные периоды времени и во время задержаний избивали и пытали его, пытаясь получить информацию о других участниках ХТ. Во время нахождения под стражей в милиции заявителю не давали пищи и воды, ему не разрешались прогулки на свежем воздухе. Каждый раз его освобождали только потому, что он платил за это властям.

10 . Поняв, что преследование так и будет продолжаться, осенью 2008 г. заявитель уехал из Узбекистана в Беларусь. В мае 2009 г., по причине экономического кризиса, он переехал в Москву, а в августе 2009 г. поселился в Рязани, где открыл свою фирму по торговле фруктами и овощами.

11 . По приезде в Россию заявитель подал заявление о постановке на миграционный учет по месту пребывания и разрешения на работу через частную компанию, специализирующуюся на оказании помощи иностранным гражданам в сфере миграционных отношений, которая получила для него вышеупомянутые документы.

Б. Уголовное преследование заявителя в Узбекистане

12 . 7 сентября 2009 г. власти Узбекистана возбудили уголовное дело в отношении заявителя по подозрению в участии в деятельности «Хизб ут-Тахрир» и незаконном выезде с территории Узбекистана. В соответствующем решении ХТ была названа «запрещенной религиозной экстремистской, сепаратистской и фундаменталистской организацией».

13 . 26 октября 2009 г. заявитель был заочно (*in absentia*) обвинен в участии в «Хизб ут-Тахрир» (статья 244-2 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (УК Узбекистана), согласно которой создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет) и в незаконном выезде из страны (статья 223 УК Узбекистана).

14 . 27 октября 2009 г. Юнусабадский районный отдел внутренних дел (далее – «Юнусабадский РОВД») объявил заявителя в розыск. 28 октября 2009 г. Юнусабадский районный суд Ташкента постановил поместить заявителя под стражу. В решении отмечалось, помимо прочего, что 20 ноября 1999 г. заявитель уже был признан виновным в совершении административного правонарушения ввиду его участия в ХТ и что он был поставлен на профилактический учет милиции. Однако в 2005 г. он продолжил свою незаконную деятельность и незаконно покинул Узбекистан.

В. Производство по экстрадиции

15 . 4 января 2010 г. заявитель был задержан в Рязани в целях последующей экстрадиции в Узбекистан.

16 . 6 января 2010 г. прокурор Московско-Рязанской транспортной прокуратуры поместил заявителя под стражу с целью обеспечения его экстрадиции.

17 . В постановлении от 14 января 2010 г. прокурор Московско-Рязанской транспортной прокуратуры указал, что по российскому законодательству истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за преступления, вменяемые заявителю узбекскими властями, и отказал в его экстрадиции в Узбекистан. Тем же постановлением заявитель был освобожден из-под стражи.

Г. Производство по административному выдворению

18 . В письме от 22 января 2010 г. глава Управления Федеральной службы безопасности по Рязанской области («УФСБ по Рязанской области») сообщил Управлению Федеральной миграционной службы по Рязанской области («УФМС по Рязанской области»), что заявитель был объявлен в розыск узбекскими властями по подозрению в участии в ХТ. В письме было подчеркнуто, что в 2004 г. Верховный суд Российской Федерации признал террористической и запретил

[\[1\]](#)

деятельность ХТ. УФМС по Рязанской области было предложено рассмотреть вопрос об аннулировании разрешения на работу и временной регистрации заявителя.

19 . 25 января 2010 г. сотрудники Московского районного отдела внутренних дел Рязани задержали заявителя по подозрению в совершении мелкого хулиганства.

20 . В письме от 25 января 2010 г. УФМС по Рязанской области сообщило заявителю, что его разрешение на работу аннулировано, поскольку он создает «угрозу безопасности России [и] ее граждан». В письме говорилось, что заявитель должен покинуть территорию Российской Федерации в течение трех дней с момента получения письма.

21 . Решением мирового судьи 59-го судебного округа Московского района г. Рязани от 26 января 2010 г. заявитель был признан виновным в мелком хулиганстве, ему назначено наказание в виде административного ареста сроком на семь дней.

22 . 1 февраля 2010 г. в УФМС по Рязанской области был составлен протокол об административном правонарушении, заключавшемся в том, что заявитель предоставил ложную информацию при подаче заявлений о постановке на миграционный учет и получении разрешения на работу.

23 . В постановлении от 1 февраля 2010 г. Советский районный суд г. Рязани установил, что при обращении в УФМС по Рязанской области с заявлением о постановке на миграционный учет и получении разрешения на работу заявитель предоставил подложные документы. Суд назначил заявителю наказание в виде штрафа с административным выдворением его с территории Российской Федерации.

24 . 5 февраля 2010 г. заявитель обжаловал в Рязанский областной суд постановление о его выдворении от 1 февраля 2010 г. Он утверждал, помимо прочего, что покинул Узбекистан в 2008 г. из-за преследований со стороны узбекских властей, которые обвиняли его в принадлежности к запрещенной религиозной организации. В период между 1999 и 2008 гг. он неоднократно подвергался жестокому обращению со стороны узбекских правоохранительных органов, которые повредили ему позвоночник и не давали ему пищи и воды во время нахождения под стражей. В результате избиений у заявителя начались проблемы с почками, и периодические боли в голове и спине. Ввиду состояния его позвоночника, во время его нахождения под стражей в России ему пришлось делать инъекции обезболивающих средств. Заявитель подчеркнул, что в случае его выдворения в Узбекистан он будет немедленно арестован и вновь подвергнут жестокому обращению.

25 . 5 февраля 2010 г. Председатель Первой Секции удовлетворил ходатайство заявителя и, в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, указал российским Властям, что заявитель не должен быть выслан в Узбекистан до получения дальнейшего уведомления.

26 . 8 февраля 2010 г. адвокат заявителя К. подала в Рязанский областной суд еще одну кассационную жалобу на решение о выдворении. Она ссылаясь на неудавшуюся экстрадицию, ее клиента, и заявила, что его выдворение на самом деле было скрытой экстрадицией. Она привела в пример дела Муминова и Камалиева, в экстрадиции которых российскими властями первоначально было отказано, но впоследствии они были выдворены в Узбекистан, что позволило узбекским властям осудить Муминова и Камалиева за преступления в связи с которыми была запрошена их выдача. Опираясь на доклады различных НПО и справку Министерства иностранных дел Российской Федерации, К. заявила, что в пенитенциарной системе Узбекистана широко распространено применение пыток в отношении задержанных. Она утверждала, что узбекские правоохранительные органы уже подвергали заявителя пыткам в виде избиения и непредоставления ему пищи и воды, и что в результате этих избиений у заявителя был поврежден позвоночник.

27 . Согласно письменному заявлению К. от 11 февраля 2010 г., 9 февраля 2010 г. она посетила заявителя в спецприемнике ТЭЦ-2. Заявитель из-за травмы спины испытывал трудности при перемещении без посторонней помощи. Он страдал от острой боли в спине, и для ее облегчения ему делались инъекции обезболивающего.

28 . В решении от 17 февраля 2010 г. Рязанский областной суд оставил в силе постановление о выдворении. Он отметил, что утверждения заявителя относительно

того, что его выдворение поставило бы под угрозу его жизнь и здоровье, были несостоятельными, поскольку он не представил «бесспорных доказательств» данных этому. Суд не привел никаких дополнительных сведений по этому вопросу.

Д. Производство в отношении предоставления убежища

29 . 7 февраля 2010 г. заявитель обратился в УФМС по Рязанской области с ходатайством о предоставлении ему статуса беженца

[\[2\]](#)

. В своем ходатайстве он утверждал, в частности, что в 1999 г. он начал изучать Коран и посещать мечеть в Ташкенте. После того как сосед пожаловался на него, утверждая, что он был участником ХТ, он был арестован местной милицией. Во время нахождения под стражей заявителю не давали пищи и воды, жестоко избивали, в результате повредив позвоночник. После освобождения заявителю пришлось обратиться за медицинской помощью. Хотя он заплатил денежную сумму для избежания уголовного преследования в 1999 г., он тем не менее был признан виновным в административном правонарушении - участии в ХТ и поставлен на профилактический учет.

30 . Заявитель также отметил, что в период между 1999 и 2008 гг. он неоднократно задерживался правоохранительными органами, содержался под стражей в течение нескольких дней, его избивали и требовали предоставить информацию о других предполагаемых участниках ХТ. Каждый раз его освобождали только потому, что он платил за это сотрудникам милиции. Поняв, что преследование будет продолжаться, осенью 2008 г. заявитель уехал из Узбекистана в Беларусь. В мае 2009 г., по причине экономического кризиса, он переехал в Москву, а в августе 2009 г. поселился в Рязани, где открыл свою фирму по продаже фруктов и овощей.

31 . Ссылаясь на широко распространенную практику применения пыток в отношении задержанных и лиц, подозреваемых в членстве в запрещенных религиозных организациях, заявитель утверждал, что в случае его возвращения в Узбекистан он также может быть подвергнут пыткам. В этой связи он опирался, в частности, на последние доклады организаций «Human Rights Watch» и «Amnesty International» в отношении Узбекистана, доклад генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН) «Ситуация с соблюдением прав человека в Узбекистане» (A/61/526), заключительные замечания Комитета ООН против пыток в отношении Узбекистана, выпущенные в ноябре 2007 г.; справку Министерства иностранных дел Российской Федерации; а также постановление Европейского Суда по делу «Исмоилов и другие против России» (*Ismoilov and Others v. Russia*). В заключение, он указал на то, что ранее подвергался пыткам со стороны правоохранительных органов Узбекистана, и заявил, что в случае возвращения на родину он вновь будет подвергнут реальной угрозе пыток.

32 . 5 мая 2010 г. УФМС по Рязанской области отказала в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении убежища. В своем решении миграционная служба указала, что заявитель незаконно покинул Узбекистан и не подал заявления о предоставлении

убежища в надлежащее время после приезда в Россию. Несмотря на его предположительное преследование в Узбекистане в 1998–2009 гг.

[3]

, он продолжал там жить, не обращаясь к узбекским властям за защитой. Более того, утверждения заявителя не свидетельствовали о том, что он подвергался преследованию по религиозному признаку в какой-либо из форм, изложенных в «Руководстве по процедурам и критериям определения статуса беженцев согласно Женевской конвенции 1951 года». Согласно информационному документу «О некоторых вопросах обеспечения свободы религии в Узбекистане», опубликованному в неустановленный день Федеральной миграционной службой России («ФМС России»), с 1992 г. Узбекистан присоединился к ряду международных договоров по правам человека, и государственная политика в отношении религии заключается в поддержке деятельности различных религиозных организаций. Более того, с 1996 г. Узбекистан является участником Конвенции ООН против пыток. Миграционная служба пришла к выводу, что заявитель просил убежища лишь на том основании, что опасался уголовного преследования на родине в связи с его участием в ХТ. В решении не содержалось ссылок ни на доводы заявителя о применении пыток в отношении задержанных в Узбекистане, ни на большую часть информации от международных правительственных и неправительственных организаций, на которую он ссылался, ни на его утверждения о том, что он сам подвергся жестокому обращению со стороны узбекских правоохранительных органов.

33 . 28 мая 2010 г. заявитель обжаловал решение от 5 мая 2010 г. в ФМС России. Он утверждал, что в основу решения УФМС по Рязанской области были положены не относящиеся к делу обстоятельства, такие как его якобы незаконный выезд из Узбекистана. Он подчеркнул, что УФМС также пренебрегло достоверной информацией, полученной из независимых источников, о распространенности практики применения узбекскими властями пыток в отношении задержанных и преследования ими лиц, обвиняемых в участии в запрещенных религиозных организациях, таких как ХТ, а также пренебрегло соответствующими выводами, сделанными Европейским Судом в недавних постановлениях, касающихся подобных ситуаций. Заявитель также утверждал, что выводы УФМС по Рязанской области основывались на информации, содержащейся всего лишь в одном документе ФМС России, дата составления которого была неизвестна и который, скорее всего, являлся устаревшим. Заявитель также утверждал, что его административное выдворение было инициировано ФСБ после неудачной попытки его экстрадиции. Данный орган власти посредством ряда писем определенным образом проинструктировал УФМС по Рязанской области о необходимости выдворения заявителя из России как участника ХТ, а также о том, что ФСБ полагает «нецелесообразным» предоставление заявителю убежища.

34 . Постановлением от 8 июня 2010 г. Советский районный суд освободил заявителя из под стражи.

35 .Решением от 20 июля 2010 г. ФМС России было отказано в удовлетворении жалобы заявителя и оставлено в силе решение УФМС по Рязанской области от 5 мая 2010 г.. При этом решение ФМС России почти дословно воспроизводило текст решения УФМС по Рязанской области.

36 . 19 августа 2010 г. заявитель подал обжаловал в Басманный районный суд г. Москвы решение ФМС России от 20 июля 2010 г., повторив доводы, изложенные в его жалобе на решение УФМС по Рязанской области от 28 мая 2010 г. Он особо подчеркнул, что для него существует реальная угроза подвергнуться жестокому обращению, что узбекские власти уже подвергали его пыткам и что в результате этих пыток он получил компрессионный перелом позвоночника. Он приложил медицинскую справку от 16 июня 2010 г., в которой было указано, что томография позвоночника показала «последствия компрессионных переломов 1, 2 и 5 позвонков».

37 . В письме от 3 сентября 2010 г. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев («УВКБ ООН») сообщило адвокату заявителя о том, что оно тщательно изучило заявление его клиента о предоставлении международной защиты. По результатам рассмотрения заявления было установлено, что заявитель находится за пределами страны своей гражданской принадлежности в силу обоснованных опасений, что он может подвергнуться преследованиям со стороны властей своей страны по мотивам вменяемых ему политических убеждений и что из-за этих опасений он не может вернуться в Узбекистан и имеет право на международную защиту в соответствии с мандатом УВКБ ООН.

38 . 10 ноября 2010 г. Басманный районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении жалобы заявителя на отказ миграционной службы признать его беженцем и предоставить убежище. Суд отметил, что заявитель не подал заявления о предоставлении убежища в надлежащее время после своего приезда в Россию и сообщил властям о том, что опасается возможного преследования по религиозным мотивам в Узбекистане лишь после своего ареста в рамках административного производства. Суд также отметил, что заявитель не смог привести убедительных причин, которые могли бы подтвердить его опасения того, что он может подвергнуться незаконному преследованию по религиозным мотивам, но не предоставил каких-либо дополнительных подробностей. В решении не содержалось оценки доводов заявителя о том, что он мог подвергнуться угрозе пыток в случае своего возвращения на родину, а также относительно его отсылок на информацию о широко распространенной практике применения пыток правоохранительными органами, которая содержалась в докладах, приложенных к его жалобе.

39 . Заявитель обжаловал данное решение, повторив доводы, изложенные в его предыдущих жалобах, и подчеркнул, что суд первой инстанции не изучил его утверждения относительно угрозы жестокого обращения.

40 . 22 марта 2011 г. Московский городской суд оставил в силе решение от 10 ноября 2010 г. Суд посчитал, что миграционные органы провели тщательную проверку утверждений заявителя и обоснованно их отклонили. Утверждения заявителя о том, что в предыдущих решениях не были приняты во внимание его доводы, касающиеся угрозы преследования в его конкретной ситуации, являются необоснованными, поскольку он попросил предоставить ему убежище только после того, как был

арестован в рамках административного производства. Суд отметил, что заявитель не смог привести фактов, которые могли бы подтвердить его опасения в отношении преследования по религиозным мотивам и не указал каких-либо дополнительных подробностей.

41 . 1 апреля 2011 г. заявитель направил в УФМС по Рязанской области заявление о предоставлении ему временного убежища, утверждая, что существовала реальная угроза того, что в случае выдворения в Узбекистан он мог подвергнуться жестокому обращению. Результат рассмотрения данного заявления неясен.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

42 . Обзор применимого национального законодательства в отношении предоставления убежища см. в деле «Муминов против России» (*Muminov v. Russia*) (№ 42502/06, пункты 58–61, от 11 декабря 2008 г.) и «Исмоилов и другие против России» (*Ismoilov and Others v. Russia*) (№ 2947/06, пункты 92–95, от 24 апреля 2008 г.).

III. ДОКЛАДЫ ПО УЗБЕКИСТАНУ

43 . В отношении соответствующих докладов по Узбекистану за 2002–2007 гг. и, в частности, в отношении положения лиц, обвиняемых в участии в организации «Хизб ут-Тахрир», см. постановление по делу «Муминов» (*Muminov*) (упомянутое выше, пункты 67–72 и 73–74, соответственно).

44 . В докладе «Отчет Amnesty International 2009 – Узбекистан», опубликованном в мае 2009 г., данная организация заявила, что она продолжает получать сообщения о широко распространенной практике применения пыток и жестокого обращения от лиц, подозреваемых в участии в запрещенных исламских группировках или в совершении террористических актов. В докладе подчеркивается, что власти Узбекистана продолжают активно добиваться экстрадиции данных лиц, и в частности предполагаемых членов «Хизб ут-Тахрир», из соседних стран, включая Россию, и что большинство из тех лиц, кто был возвращен в Узбекистан, содержатся под стражей без права переписки и отправки сообщений, что увеличивает угрозу того, что эти лица могут быть подвергнуты пыткам или жестокому обращению.

45 . В ноябре 2010 г. Государственный департамент Соединенных Штатов опубликовал Доклад о свободе вероисповедания за 2010 год, который в главе, посвященной Узбекистану, в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«... Основной законодательной базой, на основании которой власти привлекают граждан к ответственности за религиозную деятельность, является статья 159 (посягательства на конституционный строй);... и статья 244-2 (создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях) Уголовного кодекса.

.Ограничение свободы вероисповедания

... Правительство налагает запрет на исламские организации, которые оно считает экстремистскими, а членство в них – противозаконным. Среди основных запрещенных организаций – «Хизб ут-Тахрир» (ХТ), «Акромия», «Таблиг Джамаат» и объединения, относимые правительством к «ваххабитам».

... Исламское политическое движение ХТ оставалось под запретом на основании законодательства об экстремизме. Поскольку ХТ прежде всего является политической организацией, придерживающейся религиозной идеологии и не осуждающей террористическую деятельность других организаций, действия властей, направленные на ограничение деятельности ХТ и преследование ее членов в судебном порядке, не являются ограничением свободы вероисповедания как таковой. Однако обвинительные приговоры лицам, подозреваемым в членстве в ХТ и подобных ей организациях, выносились без соблюдения надлежащей процедуры; также из достоверных источников поступали сведения о применении пыток. Число обвинительных приговоров в отношении членов ХТ сокращается третий год подряд.

... Правительство продолжало серьезно нарушать свободу вероисповедания, что особенно проявлялось в ходе кампании, направленной против экстремистских или подпольных исламских организаций. Во многих случаях власти жестоко обращались с лицами, арестованными по подозрению в экстремизме, применяя пытки, избиения и крайне суровый тюремный режим. ... Члены семей заключенных, обвиненных в религиозном экстремизме, сообщали, что заключенным зачастую запрещали читать Коран или молиться в приватной обстановке. Большинство подсудимых по обвинениям в экстремизме получали приговоры сроком от 3 до 14 лет, некоторые – от 16 до 20 лет.

... 28 июня 2009 г. в тюрьме умер Голиб Муллажонов, по имеющимся сведениям – после неоднократных избиений другими заключенными. Муллажонов отбывал срок тюремного заключения за участие в ХТ.

Не поступало новых сведений о заключенных, обвинявшихся в членстве в экстремистских религиозных организациях и погибших при невыясненных обстоятельствах: дело Одила Азизова от мая 2008 г., дела Фитрата Салахиддинова и Тахира Нурмухаммедова от ноября 2007 г., члены семей которых сообщили, что на их телах были обнаружены следы пыток.

Поступило несколько сообщений об избиении заключенных, отбывающих наказание за свои религиозные убеждения. В июне и апреле 2010 г. члены семей заключенных, отбывающих длительные сроки наказания по обвинениям в экстремизме, сообщали, что в местах лишения свободы другие заключенные жестоко избивали их родственников по указанию тюремных служащих.

Летом 2009 г. в Ташкенте были совершены два громких преступления, покушение на убийство и перестрелка, которые по заявлению правительства были

связаны с религиозной деятельностью (например, одной из жертв стал главный имам Ташкента). В последующие месяцы, как утверждалось, в связи с инцидентами было арестовано как минимум 200 человек, многим были предъявлены обвинения в участии в экстремистских религиозных организациях и попытке свержения конституционного строя. В период с января по апрель 2010 г. в разных судах на закрытых судебных процессах было осуждено по меньшей мере 50 человек и вынесены приговоры от условного наказания до 18 лет лишения свободы. Поступали неподтвержденные сообщения о том, что на судебных процессах, связанных с этими преступлениями, были осуждены еще 150 человек. В тот же период власти завели более сотни дел против предполагаемых экстремистов (особенно тех, кого причисляют к «ваххабитам» и «джихадистам») по обвинениям, не связанным с убийствами. Правозащитники сообщают, что родственники некоторых подсудимых обвинили власти в применении пыток и насилия в целях получения признательных показаний, и многие сомневаются в том, что за этим последовало надлежащее судопроизводство.

...Поступило ограниченное число сообщений об арестах или содержании под стражей на основании предполагаемого членства в религиозной экстремистской организации ХТ, а принадлежность к ХТ уже не так широко используется в качестве повода для ареста и заключения в тюрьму по другим причинам. В апреле 2009 г. московская правозащитная организация «Мемориал» опубликовала список из 1452 лиц, подвергшихся преследованию со стороны правительства Республики Узбекистан, предположительно по политически мотивированным обвинениям, в период с 2004 по 2008 гг. Почти 95% из них были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме, многим – за предполагаемое членство в ХТ. В докладе говорилось о том, что в отношении подозреваемых в религиозном экстремизме в 2004 г. было проведено 38 судебных разбирательств, в 2005 г. – 54, в 2006 г. – 43, в 2007 г. – 18 и в 2008 г. – 10. Не представилось возможным проверить количество заключенных под стражу по обвинению в участии в ХТ; по данным за прошлые отчетные периоды, количество заключенных по обвинению в членстве в ХТ составляло 4500 человек.

...

За период, рассматриваемый в настоящем докладе, сообщалось лишь о нескольких обвинительных приговорах, вынесенных за членство в ХТ, поскольку правительство обратило свое внимание на другие организации. В ходе тайных судебных разбирательств было осуждено несколько человек, признанных «ваххабитами», но точное количество таких осужденных неизвестно. За предыдущий отчетный период, по меньшей мере, 11 человек были заключены в тюрьму по обвинению в принадлежности к «ваххабитам» или экстремистам из других религиозно-экстремистских организаций.

Правительство продолжило добиваться экстрадиции граждан Узбекистана, подозреваемых в религиозном экстремизме, из третьих стран, главным образом из Кыргызстана, России и Украины, в том числе граждан, обратившихся за

предоставлением убежища. За предыдущий отчетный период, по меньшей мере, двое граждан Республики Узбекистан, обратившихся за предоставлением политического убежища в Кыргызстане, были насильно возвращены в Узбекистан и заключены в тюрьму по обвинению в религиозном экстремизме.

Не поступало новых сведений по делам следующих лиц, осужденных по обвинению в членстве в ХТ и других экстремистских организациях за предыдущий отчетный период: июнь 2008 г. – две женщины – Угилой Мирзаева и Рано Ахрорходжаева – были приговорены к 5 годам лишения свободы по обвинению в членстве в ХТ, привлечении новых членов и распространении экстремистской литературы; февраль 2008 г. – 13 лиц были приговорены к 16–20 годам лишения свободы по обвинению в участии в религиозной экстремистской организации, и, как сообщалось, по крайней мере, один из подсудимых признал свою вину под принуждением; январь 2008 г. – Алишер Убайдуллаев был приговорен к 5 годам лишения свободы за членство в экстремистской организации, по обвинению в распространении вахаббистских идей и участии в антиправительственном митинге у здания посольства Республики Узбекистан в Лондоне в 2005 г.; декабрь 2007 г. – обвинение в участии в «Таблиг Жамоат» трех мужчин, каждый из которых был приговорен к 11–14 годам лишения свободы; октябрь 2007 г. – 8 человек, которых, по сообщениям правозащитников, во время предварительного судебного следствия сотрудники правоохранительных органов подвергли пыткам, были приговорены к 3–10 годам лишения свободы по обвинению в членстве в ХТ; и июль 2007 г. – Дильноза Тохтаходжаева была приговорена к 3 годам лишения свободы, а шести другим женщинам были вынесены условные приговоры сроком до 2 лет по обвинению в членстве в ХТ, и, как сообщалось, на всех женщин оказывали психологическое давление и подвергали угрозам».

46 . В январе 2011 г. организация «Human Rights Watch» опубликовала свой ежегодный Всемирный доклад за 2010 год. Глава под названием «Узбекистан» в части, имеющей отношение к делу, гласит:

«Ситуация с правами человека в Узбекистане остается катастрофической, в 2010 г. не произошло каких-либо значительных улучшений. Власти продолжают репрессии против гражданского общества, представителей политической оппозиции и независимых журналистов, а также продолжают преследовать верующих, чья религиозная практика выходит за установленные государством рамки...

Система уголовного судопроизводства, пытки и жестокое обращение

Пытки и ненадлежащее обращение остаются в Узбекистане укоренившимися проблемами. Права задержанных нарушаются на всех этапах расследования и судебного разбирательства, несмотря на вступившие в силу с 2008 г. поправки о неприкосновенности личности. Узбекское правительство не приняло мер по

выполнению рекомендаций профильного специального докладчика ООН за 2003 г. в отношении борьбы против пыток.

Подозреваемым не предоставляется доступ к адвокатам, которые являются критической гарантией защиты от пыток в местах предварительного заключения. Милиция применяет пытки и иные незаконные меры принуждения для получения заявлений и признаний от задержанных. Власти, как правило, отказываются расследовать жалобы подсудимых на злоупотребления...

20 июля 37-летний Шавкат Алимходжаев, заключенный в тюрьму за религиозные убеждения, умер в заключении. Официальной причиной смерти была указана анемия, но Алимходжаев не имел известной истории болезни. По словам родственников, на лице Алимходжаева виднелись следы возможного жестокого обращения, включая заплывший глаз. Власти вернули тело в дом его семьи ночью. Они настояли на его похоронах до восхода солнца и присутствовали до момента погребения. Власти не начали расследование смерти....

Свобода религии

Несмотря на то, что Конституция Узбекистана гарантирует свободу религии, узбекские власти продолжали свою многолетнюю неослабевающую кампанию произвольных задержаний, арестов и пыток мусульман, чья религиозная практика лежит за пределами установленных государством рамок или осуществляется незарегистрированными религиозными организациями. Более 100 человек были арестованы или осуждены в 2010 г. по обвинениям в религиозном экстремизме....

Ключевые международные игроки

Узбекское правительство по-прежнему не проявляет готовности сотрудничать с международными институтами. Оно все еще отказывается допустить в страну восемь специальных докладчиков ООН, в том числе по пыткам и по правозащитникам...»

47. Глава «Узбекистан 2011» ежегодного доклада организации «Amnesty International» за 2011 год, опубликованного в мае того же года, в части, имеющей отношение к делу, гласит:

“Сообщения о пытках и других видах жестокого обращения продолжали поступать так же часто, как и прежде. Десятки последователей малых течений ислама были приговорены к длительным срокам лишения свободы по итогам несправедливых процессов...

Пытки и другие виды жестокого обращения

Несмотря на утверждения властей о том, что применение пыток значительно сократилось, сообщения о пытках и других видах жестокого обращения продолжали

поступать с той же частотой. В большинстве случаев власти не проводили незамедлительных, тщательных и беспристрастных расследований этих утверждений.

Несколько тысяч человек, осужденных за принадлежность к исламским партиям и движениям, запрещенным в Узбекистане, а также критики и политические противники правительства продолжали отбывать длительные сроки лишения свободы в условиях, равносильных жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

Узбекистан вновь отказал Специальному докладчику ООН по вопросам пыток в посещении страны, несмотря на многократные запросы с его стороны...

Борьба с терроризмом и общественная безопасность

В январе начались закрытые судебные процессы по делам почти 70 лиц, обвиняемых в причастности к нападениям в Ферганской долине и столице страны Ташкенте в мае и августе 2009 г., а также к убийству проправительственного имама и высокопоставленного сотрудника органов внутренних дел в Ташкенте в июле 2009 г. Власти обвиняли в нападениях и убийствах «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Союз исламского джихада» (СИД) и исламистскую партию «Хизб ут-Тахрир» (все эти организации запрещены в Узбекистане). В числе множества задержанных в качестве подозреваемых или сочувствующих «ИДУ», «СИД» и «Хизб ут-Тахрир» в 2009 г. оказались лица, которые посещали незарегистрированные мечети, учились у независимых имамов и ездили за границу либо подозревались в связях с запрещенными исламскими организациями. Считается, что многих длительное время содержали под стражей без суда и следствия. Поступали сообщения о пытках и несправедливых процессах....

- В апреле Кашкадарьинский областной суд по уголовным делам приговорил Зульхумор Хамдамову, ее сестру Мехринисо Хамдамову и их родственницу Шахло Пахматову к лишению свободы на сроки от шести до семи с половиной лет за попытку свержения конституционного строя и создание угрозы общественной безопасности. Их задержали силовики в ноябре 2009 г. в ходе антитеррористических операций в городе Карши вместе с еще примерно 30 женщинами. Насколько известно, женщины посещали религиозные занятия, которые проводила Зульхумор Хамданова в одной из местных мечетей. Власти обвинили Зульхумор Хамданову в организации незаконной религиозной группы. Ее сторонники отрицали это обвинение. Правозащитники сообщили, что с женщинами жестоко обращались во время содержания под стражей. Как утверждалось, сотрудники милиции раздели женщин донага и угрожали им изнасилованием.

- В январе узбекскую беженку Дилором Абдукадирову, бежавшую из страны после беспорядков в Андижане в 2005 г., по возвращении на родину задержали на четыре дня. Перед возвращением она получила гарантии властей, что ей не предъявят

никаких обвинений. В марте ее повторно задержали и две недели удерживали в ИВС, не допуская к ней ни родственников, ни адвоката. 30 апреля ее признали виновной в антигосударственной деятельности в связи с участием в андижанских демонстрациях, а также в незаконном пересечении границы в обоих направлениях. Ее приговорили к десяти годам и двум месяцам лишения свободы по итогам несправедливого судебного процесса. Родственники сообщили, что на суде она выглядела истощенной, а лицо у нее было в синяках....

Свобода вероисповедания

Правительство сохраняло жесткий контроль над религиозными общинами, мешая им осуществлять право на свободу вероисповедания. Наиболее болезненно это отразилось на представителях незарегистрированных течений, таких как общины христиан-евангелистов, а также мусульман, посещающих неподконтрольные государству мечети.

- Подозреваемых последователей турецкого мусульманского богослова Саида Нурси осудили по итогам серии судебных процессов, которые начались в 2009 г. и продолжались в 2010 г. Помимо прочего, их обвинили в участии или создании незаконной религиозной экстремистской организации, а также в публикации и распространении материалов, угрожающих общественному порядку. По состоянию на декабрь 2010 г., не менее 114 мужчин приговорили к лишению свободы на сроки от шести до 12 лет по итогам несправедливых процессов. Как сообщалось, основанием для отдельных приговоров послужили признания, полученные под пытками в СИЗО. Кроме того, свидетелей защиты и свидетелей-экспертов в суд не вызывали, в ряде случаев доступу наблюдателей в зал суда препятствовали, а некоторые заседания проходили в закрытом режиме.

48 . Доклад Государственного департамента США в отношении ситуации с правами человека в Узбекистане за 2010 год, опубликованный в апреле 2011 г., в части, имеющей отношение к делу, гласит:

“... в. Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания

Хотя подобные действия запрещены Конституцией и законом, сотрудники правоохранительных органов и службы безопасности регулярно избивали задержанных и применяли к ним иные методы ненадлежащего обращения с целью получения признательных показаний или изобличающей информации. По сообщениям источников, пытки и жестокое обращение в тюрьмах, следственных изоляторах, местных отделениях милиции и службах безопасности были обычными явлениями. Сообщалось о таких методах пыток, как жестокое избиение, голодание, сексуальное насилие, связывание и подвешивание за руки, а также электрошок. От родственников заключенных поступали сообщения о нескольких случаях врачебного

злоупотребления, в том числе и о продолжающемся принудительном психиатрическом лечении одного лица. Правительство сообщало, что в течение первых 6 месяцев года было заведено 226 уголовных дел против 285 сотрудников правоохранительных органов. Из них 75 человек обвинялись в злоупотреблении властью, а 4 – в применении пыток или иных видах жестокого или унижительного обращения. Остальные дела проходили по неустановленным правонарушениям. В течение первых девяти месяцев года правительство уволило и предъявило обвинения в совершении уголовных преступлений 186 сотрудникам правоохранительных органов по неуказанным причинам.

Комитет ООН по правам человека в своем пятилетнем обзоре стран в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах («обзор МПГПП») в публикации от 25 марта выразил озабоченность тем, что содержащееся в Уголовном кодексе Республики Узбекистан понятие «пытка» противоречит статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, к которой присоединилась Республика Узбекистан.

В совместном заявлении, представленном для обзора МПГПП, «Правозащитный Альянс Узбекистана», комитет «Освобождения узников совести» и «Узбекско-немецкий Форум по правам человека» заявляли, что пытки и жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов применяются «систематически, безнаказанно и поощряются» высокопоставленными чиновниками. В сообщении отмечается, что судьям и прокурорам, как правило, не удавалось расследовать заявления о якобы имевших место пытках и что руководство страны, в том числе руководители правоохранительных органов, публично не осуждают применение пыток.

В феврале на независимом новостном сайте появилось сообщение о том, что родственники заключенного Санжара Нармурадова, отбывающего 13-летний срок заключения по обвинению в экстремизме, заявляли, что в Ташкентской областной тюрьме с ним плохо обращались и применяли пытки.

В марте 12 из 25 подсудимых, обвиняемых в религиозном экстремизме, сообщили Джизакскому суду, что их пытали в местах предварительного заключения. Суд постановил провести расследование по этим жалобам, однако пришел к заключению, что доказательств применения пыток обнаружено не было.

29 марта Бухарский суд признал Курбана Кадырова виновным в антиконституционных действиях, совершенных им как членом религиозной экстремистской организации и приговорил его к 8 годам лишения свободы. Суд не рассмотрел жалобу Кадырова на то, что он подписал признательные показания лишь потому, что во время допроса его пытали. 29 апреля Бухарский областной суд оставил его приговор в силе по апелляции.

В апреле «Инициативная группа независимых правозащитников Узбекистана» («ИГНПУ») сообщала, что заключенный Дилшодбек Амантурдиев жаловался своим родственникам на то, что в течение первых четырех месяцев года сокамерники, подстрекаемые тюремной администрацией, подвергали его пыткам. Как сообщалось, Амантурдиев неоднократно заявлял, что однажды его избили до потери сознания...

Как сообщалось, к отдельным лицам, подозреваемым в исламском экстремизме, а в особенности к лицам, заключенным под стражу до начала судебного процесса, предположительно являвшимся членами запрещенных экстремистских политических организаций или организации «Нур», официально не запрещенной, власти относились с большим пристрастием, чем к обычным преступникам. Местные правозащитники сообщили, что власти часто платили деньги или иными способами заставляли заключенных избивать других, подозреваемых в религиозном экстремизме...

Родственники сообщали о гибели некоторых отбывающих наказание заключенных, большинство из которых были осуждены по обвинениям, связанным с религиозным экстремизмом. В некоторых случаях родственники сообщали, что на теле заключенного были обнаружены следы побоев или других видов жестокого обращения и что власти оказывали на них давление, заставляя хоронить тела без проведения профессионального медицинского освидетельствования. Поступили сообщения об аналогичных случаях смертей Нурулло Мусаева и Шавката Алимходжаева. Не поступало новых сведений по аналогичным случаям, о которых сообщалось в 2009 г., включая смерть Абдулатифа Аюпова, Исмета Худойбердиева, Негмата Зуфарова и Голиба Муллажонова...

Власти продолжали без достаточных оснований арестовывать людей по обвинениям в экстремистской деятельности, экстремистских настроениях или в связях с запрещенными религиозными организациями. Местные правозащитники сообщали, что сотрудники правоохранительных органов и служб безопасности, получив приказ о ликвидации экстремистских ячеек, часто арестовывали и ненадлежащим образом обращались с членами семей или близких друзей подозреваемых в членстве в религиозных экстремистских организациях. Принудительные признания и свидетельские показания в подобных случаях были обычными явлениями.

Многие аресты, произведенные в течение года, связаны с религиозным экстремизмом и являлись следствием двух громких убийств, покушения на убийство и одной перестрелки, которые произошли в Ташкенте летом 2009 г. В период с января по апрель, по обвинению в экстремизме на закрытых судебных процессах осуждены, по меньшей мере, 50 человек, им были вынесены приговоры – от условного наказания до 18 лет лишения свободы. Поступали сообщения о том, что порядка 150 других лиц были осуждены на аналогичных судебных процессах, проходивших по всей стране. Родственники некоторых подсудимых обвиняли власти в применении пыток и принуждении к даче признательных показаний, а многие сомневались в обеспечении надлежащего судопроизводства...

Согласно поправкам к Уголовно-процессуальному кодексу, принятым в 2009 г., адвокаты защиты могут получить доступ к доказательствам и уликам, находящимся в ведении государственных органов и имеющим отношение к делам их подзащитных, после завершения первоначального расследования и предъявления прокурором официальных обвинений. Тем не менее, действует исключение для доказательств и улик, содержащих информацию, раскрытие которой может представлять угрозу для государственной безопасности. В течение года суды неоднократно ссылались именно на это исключение, повлекшее за собой жалобы на то, что его основная цель – позволить прокурорам не допускать адвокатов защиты к доказательствам и уликам. В большинстве случаев обвинение было основано исключительно на признаниях подсудимого или уличающих показаниях свидетелей обвинения, особенно в делах подозреваемых в религиозном экстремизме. Адвокаты могут, и в нескольких случаях смогли, убедить судей отклонить признания и провести расследование на основании заявлений о применении пыток. Обычно судьи игнорировали подобные заявления или отклоняли их как безосновательные...

18 января Кашкадарьинский суд вынес приговор правозащитнику Гайбулло Жалилову за членство в экстремисткой религиозной организации, которая, как утверждалось, планировала совершить террористические атаки в областном аэропорту. Джалилов, который принимал активное участие в оказании помощи другим обвиняемым в экстремизме, утверждал, что власти жестоко обращались с ним, пока он находился под арестом, и принуждали его подписать признание. 9 марта Кашкадарьинской областной уголовный суд оставил в силе решение о признании вины и его приговор. Как сообщалось, Джалилов пришел на апелляционное слушание с опухшими глазами и рассказал своим родственникам, что в камере его неоднократно избивали кулаками и ногами. 5 августа на закрытом слушании Кашкадарьинский суд продлил срок его заключения на четыре года за проведение в тюрьме антиконституционной деятельности.

30 апреля Андижанский суд приговорил Дилорам Абдукадирову к 10 годам тюремного заключения за незаконное пересечение границы и угрозу конституционному строю. Абдукадирова бежала из страны после того, как стала очевидицей андижанских событий 2005 г. Как сообщалось, она возвратилась в страну в январе, после неоднократных заверений, данных властями ее семье, в том, что она может вернуться домой не опасаясь судебного преследования, однако сразу же по прибытии ее задержали и позже предъявили обвинения. Член ее семьи сообщил, что во время судебного разбирательства на лице у Абдукадировой были кровоподтеки».

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

49 . Заявитель жаловался, что в случае выдворения в Узбекистан существовала реальная угроза того, что он может подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

50 . Заявитель также утверждал, в соответствии со статьей 13 Конвенции, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении его утверждений об угрозе подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. Власти

51 . Власти утверждали, что заявитель впервые пожаловался на свои опасения подвергнуться жестокому обращению в своей кассационной жалобе на решение о его выдворении. Однако он не представил «бесспорных и объективных доказательств» в поддержку этих утверждений. В любом случае, суд кассационной инстанции не имел реальной возможности для изучения этих материалов, поскольку жалоба на административное выдворение должна была быть рассмотрена в течение двадцати четырех часов с момента ее подачи. Более того, предполагаемая угроза жестокого обращения в случае выдворения не являлась юридически значимым фактом, и суд, рассматривающий такую жалобу, не был обязан это выяснять. В то же время, местные власти внимательно изучили и правильно отклонили данный аргумент в рамках производства по предоставлению убежища, инициированного заявителем. Они пришли к обоснованному выводу, что его заявление о предоставлении убежища было в действительности мотивировано его опасениями уголовного преследования и последующего наказания в Узбекистане, поскольку он не попытался получить статус беженца сразу же после своего прибытия в Россию.

52 . Кроме того, Власти заявили, что в любом случае преступления, в которых заявитель обвиняется в своей родной стране, не наказываются смертной казнью. В своей оценке заявления о предоставлении убежища российские власти приняли во внимание тот факт, что Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. Наконец, Власти указали, что национальные суды, как правило, производили оценку вопроса относительно наличия угрозы жестокого обращения, и упомянули в этой связи три судебных решения по тем делам, которые они назвали «аналогичными», не предоставив их копий. По мнению Властей, данный факт

продемонстрировал, что заявитель обладал эффективными средствами правовой защиты в отношении своей жалобы по статье 3 Конвенции.

2. Заявитель

53 . Ссылаясь на недавние доклады по Узбекистану, опубликованные правительственными и неправительственными международными организациями, такими как Комитет ООН по правам человека, «Human Rights Watch», «Amnesty International», а также Государственный департамент Соединенных Штатов, заявитель утверждал, что ненадлежащее обращение, нарушающее статью 3 Конвенции, с задержанными и, в частности, с лицами, обвиняемыми в членстве в запрещенных религиозных организациях, носит повсеместный характер и является широко распространенной практикой в его родной стране. Опираясь на выводы Суда в деле «Муминов против России» (*Muminov v. Russia*), упомянутому выше, заявитель утверждал, что являясь предполагаемым членом ХТ, он принадлежал к определенной группе, в отношении которой имеются серьезные основания предполагать наличие практики преследования.

54 . Заявитель также отметил, что в ряде последних постановлений в отношении подобных ситуаций, включая постановления по делу «Абдулажон Исаков против России» (*Abdulazhon Isakov v. Russia*) (жалоба № 14049/08, от 8 июля 2010 г.) и «Каримов против России» (*Karimov v. Russia*) (жалоба № 54219/08, от 29 июля 2010 г.), Суд признал, что проблема жестокого обращения с задержанными в Узбекистане остается острой и что нет признаков того, что в этой области произошли какие-либо фундаментальные улучшения. Кроме того, заявитель подчеркнул, что его опасения о том, что он может подвергнуться жестокому обращению, основаны на том, что он уже подвергался пыткам со стороны правоохранительных органов Узбекистана, повлекшим за собой травму позвоночника, и что УВКБ ООН признал его право на получение международной защиты.

55 . Заявитель утверждал, что его доводы относительно угрозы жестокого обращения не были должным образом (если вообще были) приняты во внимание национальными властями в рамках производства по выдворению или предоставлению убежища. В первом разбирательстве суды не были обязаны рассматривать вопрос о наличии угрозы жестокого обращения и, учитывая срочный характер рассмотрения судом дела по выдворению, заявитель был лишен реальной возможности изложить свои доводы. Кроме того, при рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища, несмотря на тот факт, что суды не были официально лишены возможности оценивать вопрос относительно наличия угрозы жестокого обращения, они решили не принимать во внимание утверждения заявителя и предоставленную им информацию из независимых источников. Более того, ввиду выдворения заявителя по делу Муминова (*Muminov*), несмотря на то, что производство в отношении предоставления убежища все еще продолжалось и на отсутствие ясной формулировки соответствующих положений закона, нельзя с уверенностью утверждать, что продолжающееся производство в отношении предоставления убежища имеет приостанавливающее действие в случае вынесения решения о выдворении. Наконец, заявитель утверждал, что его выдворение

будет фактически являться завуалированной экстрадицией и что на мнение миграционных служб и судов повлияла Федеральная служба безопасности, пожелавшая выдворить заявителя из страны ввиду его предполагаемого членства в ХТ.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

56 . Европейский Суд отмечает, что жалобы заявителя на нарушение статей 3 и 13 Конвенции не являются явно необоснованными по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям, следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Статья 3 Конвенции

(i) Общие принципы

57 . Суд вначале повторяет, что Договаривающиеся государства имеют право, как с точки зрения международного права, так и в соответствии с их договорными обязательствами, в том числе в соответствии с Конвенцией, контролировать въезд, проживание и выдворение иностранцев (см «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandaliv. the United Kingdom*), от 28 мая 1985 г., пункт 67, Series A № 94.), а право на политическое убежище явным образом не защищено ни Конвенцией, ни Протоколами к ней (см. «Салах Ших против Нидерландов» (*Salah Sheekh v. the Netherlands*), жалоба № 1948/04, пункт 135, ECHR 2007-I (выдержки)). Тем не менее, выдворение Договаривающимся государством может привести к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции и, следовательно, повлечь за собой ответственность этого государства в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы серьезные основания полагать, что заинтересованное лицо в случае выдворения столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

58 . В таком случае статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну (см. «Саади против Италии» (*Saadiv. Italy*) [GC], жалоба № 37201/06, пункт 125, от 28 февраля 2008 г.). Тем не менее, в этом случае не подлежат судебной оценке действия принимающей стороны, и на нее не может быть возложена ответственность, будь то в рамках общего международного права, в соответствии с Конвенцией или иным образом (см. «Серинг против Соединенного Королевства» (*Soering. the United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., пункт 91, Series A № 161).

59 . Оценка того, имеются ли серьезные основания полагать, что заявитель подвергнется реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, неизбежно требует, чтобы Суд оценил условия в принимающей стране с точки зрения

норм данного положения Конвенции (см. «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [GC], жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 67, ECHR 2005-I). Эти нормы подразумевают, что жестокое обращение, с которым, по утверждению заявителя, он столкнется в случае возвращения, должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпасть под действие статьи 3 Конвенции. Данная оценка является относительной, в зависимости от всех обстоятельств дела (см. «Хилал против Соединенного Королевства» (*Hilal v. the United Kingdom*), жалоба № 45276/99, пункт 60, ECHR 2001-II).

60 . При определении того, было ли продемонстрировано, что заявителю угрожает реальная опасность пострадать от обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае выдворения, Суд рассмотрит этот вопрос в свете всех представленных ему материалов или, при необходимости, материалов, полученных им по собственной инициативе (*proprio motu*) (см. «Саади» (*Saadi*), упомянутое выше, пункт 128).

Поскольку ответственность Договаривающихся государств в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам такого рода возлагается исходя из действия, подвергающего лицо угрозе жестокого обращения, факт существования угрозы должен оцениваться прежде всего с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся государству во время выдворения (см. «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), 30 октября 1991, пункт 107, Series A № 215). Однако если заявитель еще не экстрадирован или не депортирован на момент рассмотрения дела Судом, таким временем будет период разбирательства в Суде (см. «Саади» (*Saadi*), упомянутое выше, пункт 133).

61 . Как правило, именно заявитель должен предоставить доказательства, подтверждающие, что имеются серьезные основания полагать, что, если обжалуемая мера будет осуществлена, он подвергнется реальной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (см. «Н. против Финляндии» (*N. v. Finland*), жалоба № 38885/02, пункт 167, 26 июля 2005 г.). Если же такие доказательства приведены, то Власти обязаны рассеять любые сомнения на этот счет (см. «Рябикин против России» (*Ryabikin v. Russia*), жалоба № 8320/04, пункт 112, 19 июня 2008 г.).

62 . Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд постановил в нескольких делах, что он может придать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых международных ассоциаций по защите прав человека, таких как «Amnesty International», или докладах правительственных источников, в том числе Государственного департамента США (см. «Саади» (*Saadi*), упомянутое выше, пункт 131, с дальнейшими ссылками). В то же время, сама по себе возможность жестокого обращения по причине неустойчивой ситуации в принимающей стране не приводит к нарушению статьи 3 Конвенции (там же).

63 . В тех случаях, когда источники, доступные Суду, описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя в каждом случае требуют подтверждения другими доказательствами (см. «Маматкулов и Аскарлов» (*Mamatkulov and Askarov*), упомянутое выше, пункт 73).

(ii) Применение данных принципов к настоящему делу

64 . Власти утверждали, что национальные власти правильно отклонили утверждение заявителя о том, что он подвергнется угрозе жестокого обращения или пыток в случае выдворения в Узбекистан. Опираясь на доклады различных международных организаций и его собственный опыт жестокого обращения, заявитель оспорил доводы Властей.

65 . Суд повторяет, что в тех случаях, когда заявитель предоставляет мотивированные основания, которые ставят под сомнение точность информации, на которую ссылается государство-ответчик, Суд должен убедиться, что оценка, проведенная органами Договаривающегося государства, является адекватной и достаточно подтвержденной материалами национальных органов, а также материалами, полученными из других надежных и объективных источников, таких как, например, другое Договаривающееся или не Договаривающееся государство, учреждения Организации Объединенных Наций и авторитетные неправительственные организации (см. «Салах Ших» (*SalahSheekh*), упомянутое выше, пункт 136, и «Исмоилов и другие против России» (*IsmoilovandOthersv. Russia*), упомянутое выше, пункт 120).

66 . Суд в первую очередь оценит, последовала ли на жалобу заявителя адекватная реакция на национальном уровне (см. «Муминов против России» (*Muminovv. Russia*), упомянутое выше).

(а) Разбирательства на национальном уровне

67 . Принимая во внимание материалы, находящиеся в его распоряжении, Суд отмечает, что заявитель жаловался на угрозу подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции как в рамках производства в отношении выдворения, так и в рамках производства в отношении предоставления убежища. Соответственно, в своей оценке Суд учитывает оба разбирательства.

68 . Рассмотрев утверждения заявителя в рамках данных разбирательств, Суд посчитал, что заявитель последовательно поднял перед национальными властями вопрос об угрозе подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, предъявив ряд конкретных и подробных доводов. Среди прочего, он указал на то, что уже подвергался пыткам со стороны правоохранительных органов Узбекистана, а также на систематическое применение ими жестокого обращения в отношении задержанных и, в частности, лиц, обвиняемых в членстве в запрещенных религиозных организациях, таких как ХТ, религиозной организации, запрещенной в Узбекистане. В подтверждение своих утверждений заявитель сослался на доклады международных организаций и агентств ООН в отношении ситуации с правами человека в Узбекистане, а также приложил медицинскую справку, подтверждающую его травму позвоночника (см. пункты 24, 29–31, 33, 36 и выше). Тем не менее, Суд не убежден, что национальные власти произвели адекватную оценку угрозы жестокого обращения, появляющейся в в том случае, если заявитель будет выслан на родину.

69 . Что касается рассмотрения вопроса о предоставлении политического убежища, из относящихся к делу решений миграционных органов следует, что миграционные службы и суды, по сути, не принимали во внимание утверждения заявителя относительно угрозы подвергнуться обращению, противоречащему статье 3

Конвенции. В частности, решения УФМС по Рязанской области и ФМС не содержали никаких ссылок на данный аспект, несмотря на тот факт, что заявитель последовательно поднимал вопрос об угрозе жестокого обращения в своем первом заявлении о предоставлении убежища и далее при обжаловании решений УФМС по Рязанской области в ФМС (см. пункты 32 и 35 выше).

70 . Что же касается разбирательств о судебном пересмотре решений миграционных служб, суды в двух инстанциях кратко отметили, что заявитель не смог привести убедительных фактов, которые могли бы подтвердить, что он подвергался преследованиям на религиозной почве, не предоставив никаких дополнительных сведений в этом отношении (см. пункты 38 и 40 выше). Даже если предположить, что вынося подобное решение они подразумевали, что заявитель не представил доказательств угрозы жестокого обращения, по мнению Суда, эти краткие утверждения вряд ли можно считать адекватной оценкой угрозы того, что заявитель может подвергнуться такому обращению.

71 . Принимая во внимание решения миграционных служб и судов, принятые в рамках разбирательств по предоставлению убежища, Суд, помимо вышеизложенного, не смог установить никаких свидетельств того, что они обратили внимание на совокупность доказательств, касающихся ситуации с правами человека в Узбекистане, которые были предоставлены заявителем и были опубликованы независимыми источниками.

72 . Далее, он отметил, что довод заявителя в отношении того, что он уже подвергался жестокому обращению в связи с его преследованием за предполагаемое участие в ХТ и соответствующая медицинская справка, которую он представил для обоснования своих утверждений, также была оставлена судами без рассмотрения.

73 . Суд отмечает, что все национальные органы, участвовавшие в рассмотрении дела о предоставлении убежища, сослались на тот факт, что заявитель не подал заявление о предоставлении ему статуса беженца сразу же после своего прибытия в Россию. Кроме того, суд кассационной инстанции прямо заявил, что аргументы заявителя, касающиеся преследования, являются необоснованными, поскольку он не подал заявление о предоставлении убежища в надлежащее время.

74 . В этом отношении Суд отмечает, что хотя факт отсутствия заявления лица о предоставлении ему убежища сразу же после прибытия в другую страну может иметь значение для оценки достоверности его утверждений, не представляется возможным оценивать во взаимосвязи угрозу жестокого обращения и основания, служащих основой для выдворения данного лица (см. «Абдолхани и Каримниав против Турции» (*Abdolkhani and Karimniav. Turkey*), жалоба № 30471/08, пункт 91, 22 сентября 2009 г.). Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, следовательно, уровень защиты обеспечиваемый статьей 3 Конвенции, шире, чем защита, предусмотренная статьями 32 и 33 Конвенции 1951 г. ООН о статусе беженцев (см. «Саади» (*Saadi*), указанное выше, пункт 138, и «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), 15 ноября 1996 г., пункт 81, «Отчеты о постановлениях и решениях» (*Reports of Judgments and Decisions*) 1996-V).

75 . Что касается производства в отношении выдворения, Суд соглашается с Властями, что в рамках данного разбирательства заявитель впервые поднял вопрос о

ненадлежащем обращении в своей кассационной жалобе на решение о выдворении. Тем не менее, он не находит это необоснованным, учитывая, что заявителю стало известно об угрозе того, что его могут вернуть на родину, в тот момент, когда он узнал про решение о его выдворении в Узбекистан.

76 . Власти утверждали, что суды в рамках разбирательства о выдворении не были обязаны рассматривать жалобы, касающиеся угрозы жестокого обращения. Тем не менее, отклоняя кассационную жалобу заявителя на решение о выдворении, Рязанский областной суд постановил, что заявитель не смог представить «неопровержимых доказательств» наличия угрозы жизни и здоровью.

77 . В отсутствие подробного уточнения этого аспекта судом, точный смысл данного утверждения остается неясным. Суд считает, тем не менее, что требовать от заявителя предоставления «бесспорных» доказательств наличия угрозы жестокого обращения в запрашивающей стране было бы равносильным требовать от него доказательства существования будущего события, что является невозможным, и наложило бы на него явно несоразмерное бремя. В связи с этим Суд вновь напоминает о том, что, согласно его постоянной судебной практике, объектом оценки в данной категории дел являются последствия выдворения заявителя в принимающую страну, которые можно предвидеть (см., среди других источников, постановление по делу «Вилвараджа и другие» (*VilvarajahandOthers*), упомянутое выше, пункт 108).

78 . Резюмируя указанные выше основания, Суд считает, что национальные власти не произвели адекватной оценки наличия угрозы для заявителя подвергнуться пыткам или жестокому обращению в том случае, если он будет выслан в Узбекистан.

(б) Оценка Суда

79 . Власти заявили, что преступления, в совершении которых заявитель обвиняется в своей родной стране, не наказываются смертной казнью. Суд отмечает, однако, что сущность жалобы заявителя касается не опасения смертной казни, а угрозы подвергнуться жестокому обращению или пыткам в том случае, если он будет выслан в Узбекистан.

80 . Соответственно, теперь он должен оценить, существует ли реальная угроза того, что в случае выдворения в Узбекистан заявитель будет подвергнут обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. В соответствии с прецедентным правом Суда и с учетом того факта, что заявитель еще не был выслан по причине назначения временной меры в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, соответствующей датой оценки этого угрозы является дата рассмотрения дела Судом.

81 . Суд обращает внимание, во-первых, что в некоторых постановлениях в отношении выдворения или экстрадиции в Узбекистан он отмечал, ссылаясь на материалы из независимых источников за 2002–2007 гг., что практика применения пыток в отношении лиц, задержанных милицией, была «систематической» и носила «неизбирательный характер» (см., например, «Муминов» (*Muminov*) и «Исмоилов и другие» (*IsmoilovandOthers*), оба упоминались выше, пункты 93 и 121 соответственно, с дальнейшими ссылками). В своих недавних постановлениях по тому же вопросу, рассмотрев последнюю имеющуюся информацию, Суд указал, что не имеется никаких

конкретных доказательств того, что в этой области произошли какие-либо фундаментальные улучшения (см. «Абдулажон Исаков против России» (*Abdulazhon Isakov v. Russia*), упомянутое выше, пункт 109; «Юлдашев против России» (*Yuldashev v. Russia*), жалоба № 1248/09, пункт 93, от 8 июля 2010 г.; и «Султанов против России» (*Sultanov v. Russia*), жалоба № 15303/09, пункт 71, от 4 ноября 2010 г.).

82 . Власти не утверждают, что ситуация в Узбекистане улучшилась в течение рассматриваемого периода по данному делу. Рассмотрев недавние материалы, полученные из надежных и объективных источников (см. «Салах Ших» (*Salah Sheekh*), упомянутое выше, пункт 136), Суд также не может найти свидетельств, которые могли бы указать на наличие таких улучшений. Наоборот, как следует из последних докладов организаций «Human Rights Watch», «Amnesty International» и Государственного департамента США, а также информации, полученной от других организаций, на которую они ссылаются в своих документах, применение пыток и жестокого обращения в отношении задержанных в Узбекистане является «систематическим», «безнаказанным» и «поощряется» правоохранительными службами и службами безопасности. Согласно этим источникам, несмотря на утверждения властей Узбекистана о том, что подобная практика значительно уменьшилась, сообщения о пытках и жестоком обращении с задержанными и заключенными поступают с прежней частотой (см. пункты 46–48 выше). В этом контексте, Суд не может прийти к какому-либо иному выводу, кроме как к тому, что жестокое обращение с задержанными остается широко распространенной и продолжающейся проблемой в Узбекистане.

83 . Вышеизложенные выводы касаются общей ситуации в Узбекистане. Что же касается личной ситуации заявителя, Суд считает необходимым отметить следующее. Заявитель разыскивается узбекскими властями по обвинению в религиозном экстремизме, сепаратизме и фундаментализме из-за его предполагаемого участия в «Хизб ут Тахрир», запрещенной религиозной организации. В своем постановлении по делу «Муминов» (*Muminov*) Суд посчитал, что имеются серьезные основания полагать, что существует практика преследования членов или сторонников этой организации. Судом было установлено, что надежные источники подтвердили существование практики применения пыток в отношении лиц, обвиняемых в членстве в ХТ, с целью получения признательных признаний и наказания этих лиц, которые воспринимались органами государственной власти как участники религиозной или политической деятельности, противоречащей государственным интересам (упомянутое выше постановление, пункт 95).

84 . Принимая во внимание недавние доклады по этому вопросу, Суд отмечает, что все они указывают на тот факт, что власти Узбекистана продолжают преследовать лиц, подозреваемых или обвиняемых в религиозном экстремизме, в том числе предполагаемых членов ХТ, и констатируют, что имеется достоверная информация о применении пыток в отношении таких лиц, случаи смерти в заключении или ситуации, в которых власти побуждают других заключенных избивать тех задержанных, которые подозреваются или обвиняются в совершении религиозных экстремистских преступлений (см. пункты 45–48 выше).

85 . В то время как из вышеупомянутых докладов, по-видимому, следует, что число обвинительных приговоров за членство в ХТ сократилось в период между 2004 и 2008

гг.; было заявлено, что случаи осуждения лиц, связанных с ХТ, по-прежнему включали в себя заслуживающие доверия сообщения о применении пыток (см. пункт 45 выше). В этом отношении для Суда также является значимым тот факт, что узбекские власти последовательно отказывают независимым наблюдателям в доступе к местам содержания под стражей (см. пункты 46 и 47 выше и ср. с постановлением по делу «Абдолхани и Каримния против Турции» (*AbdolkhaniandKarimniav. Turkey*), указанным выше, пункт 81).

86 . Суд также считает тревожной информацию о практике узбекских властей по содержанию под стражей и в заключении лиц, высланных из других стран в связи с обвинениями в участии в ХТ, без права сообщения с внешним миром и соглашается с тем, что это может увеличить угрозу применения в отношении них пыток и жестокого обращения (см. пункт 44 выше). С учетом существования действующего постановления о содержании под стражей в отношении заявителя, вполне вероятно, что он будет заключен под стражу непосредственно после его выдворения, без доступа к родственникам или независимым наблюдателям, что увеличит для него угрозу подвергнуться жестокому обращению (см. «Исмоилов и другие» (*IsmoilovandOthers*), упомянутое выше, пункт 123).

87 . Соответственно, в свете доказательств сохраняющейся практики преследования лиц, обвиняемых в участии в ХТ, связанной с применением пыток и жестокого обращения, Суд считает, что не было предоставлено никаких конкретных фактов, которые могли бы продемонстрировать какие-либо фундаментальные улучшения в области, касающейся данной конкретной группы (ср. «Чахал» (*Chahal*), упомянутое выше, пункты 102–103).

88 . С учетом вышесказанного, Суд вновь указывает, что в постановлении по делу «Саади» (*Saadi*) (см. выше, пункт 132) он постановил, что в тех случаях, когда заявитель утверждает, что он или она является членом группы, систематически подвергающейся жестокому обращению, защита статьи 3 Конвенции начинает действовать, когда заявитель устанавливает (в случае необходимости, на основании информации, содержащейся в последних докладах независимых международных ассоциаций по защите прав человека, или информации, полученной из правительственных источников), что имеются серьезные основания предполагать наличие подобной практики в отношении членов этой группы.

89 . Суд считает, что данное обоснование применимо к настоящему делу, поскольку заявитель обвиняется в принадлежности к группе, в отношении которой надежными источниками подтверждается сохраняющаяся практика жестокого обращения со стороны властей, о чем уже было сказано выше. Хотя при таких обстоятельствах Суд, как правило, не настаивает на том, чтобы заявитель продемонстрировал наличие дополнительных характерных особенностей (см. «НА. против Соединенного Королевства» (*NA. v. the UnitedKingdom*), жалоба № 25904/07, пункт 116, 17 июля 2008 г.), он считает важным, тем не менее, указать на следующее.

90 . Заявитель неоднократно сообщал российским властям, что он уже подвергался преследованию и жестокому обращению со стороны узбекских правоохранительных органов в связи с его предполагаемым участием в ХТ. Он представил подробный отчет о том, каким образом произошло жестокое обращение (ср. «Гараев против

Азербайджана» (*Garayevv. Azerbaijan*), жалоба № 53688/08, пункт 72, от 10 июня 2010 г.), утверждая, что в результате этого обращения он получил травму позвоночника, и предоставил медицинскую справку о том, что он пострадал от последствий компрессионного перелома нескольких позвонков (см. пункт 36 выше). Хотя справка не содержит никаких указаний о дате причинения травм, Суд считает, что она придает еще больше доверия и без этого логически последовательным утверждениям заявителя относительно преследования его властями и предполагаемого опыта жестокого обращения, которые не могут быть проигнорированы как полностью безосновательные.

91 . Кроме того, он считает весьма показательным тот факт, что УВКБ ООН, опросив заявителя и внимательно изучив его дело, установило, что он, как лицо, преследуемое за свои политические взгляды, не может вернуться в Узбекистан, и что он имеет право на международную защиту в соответствии с его мандатом (см. пункт 37 выше).

92 . С учетом вышесказанного, Суд считает, что были продемонстрированы серьезные основания полагать, что в случае выдворения в Узбекистан заявителю будет угрожать реальная опасность обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

93 . Понимая в определенной мере утверждение Властей о том, что эту угрозу не стоит принимать во внимание, поскольку Узбекистан стал участником Конвенции ООН против пыток, Суд повторяет, что факт существования национальных законов и присоединения к международным договорам, гарантирующим соблюдение основных прав, сам по себе, как правило, не является достаточным для обеспечения адекватной защиты от угрозы жестокого обращения, когда, как и в данном случае, надежные источники сообщают о применении или дозволении применения властями практик, противоречащих принципам Конвенции (см. «Саади» (*Saadi*), упомянутое выше, пункт 147).

94 . Поэтому Суд приходит к выводу, что исполнение решения о выдворении в отношении заявителя повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции.

(б) Статья 13 Конвенции

95 . Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует право на эффективное средство правовой защиты на государственном уровне для соблюдения сущности прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в какой бы форме они ни обеспечивались национальной правовой системой. Поэтому статья 13 Конвенции предполагает предоставление средств правовой защиты на национальном уровне, что позволяет национальным компетентным органам как рассматривать сущность соответствующей жалобы в рамках Конвенции, так и предоставлять соответствующую компенсацию, однако Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода в отношении того, каким образом они выполняют свои обязательства согласно данному положению. Более того, при определенных обстоятельствах совокупность средств защиты, предусмотренных национальным законодательством, может удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции (см., среди других источников, «Абдолхани и Каримния» (*AbdolkhaniandKarimnia*), упомянутое выше, пункт 107).

96 . Для того чтобы статья 13 Конвенции была применена, жалоба по существу положения Конвенции должна быть обоснованной. Суд считает, и сторонами это не оспаривается, что требования заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции являются небезосновательными и, следовательно, статья 13 Конвенции применима к данному делу.

97 . Он также подтвердил, что средства правовой защиты, требуемые статьей 13 Конвенции, должны быть эффективными как законодательно, так и на практике, в частности, в том отношении, что их применение не должно быть неоправданно затруднено действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (см. «Шамаев и другие против Грузии и России» (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*), жалоба № 36378/02, пункт 447, ECHR 2005-III). «Эффективность» «средства правовой защиты» по смыслу статьи 13 Конвенции не зависит от уверенности в благоприятном исходе для заявителя (см. «Чонка против Бельгии» (*Çonkav. Belgium*), жалоба № 51564/99, пункт 75, ECHR 2002-I).

98 . Суд также отмечает, что в конкретном контексте дел о выдворении, принимая во внимание необратимый характер вреда, который может быть нанесен, если предполагаемая угроза применения пыток или жестокого обращения будет реализована, и то значение, которое Суд придает статье 3 Конвенции, понятие эффективного средства правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции требует (1) независимого и тщательного рассмотрения утверждения о том, что имеются серьезные основания полагать, что существует реальная угроза обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае выдворения заявителя в принимающее государство и (2) обеспечения эффективной возможности приостановления осуществления мероприятий, последствия которых являются потенциально необратимыми (см. «Муминов» (*Muminov*), упомянутое выше, пункт 101, с дальнейшими ссылками).

99 . Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд принимает к сведению утверждение Властей о том, что суды, в рамках производства в отношении выдворения, не располагали достаточными средствами для рассмотрения заявления о наличии угрозы жестокого обращения (см. пункт 51 выше). В связи с этим он также подтверждает свой вывод о том, что приняв решение о том, что заявитель не представил «неопровержимых доказательств» наличия угрозы жестокого обращения, Рязанский областной суд наложил на последнего непропорциональное бремя доказывания существования будущего события и поэтому, на практике, лишил его возможности эффективного рассмотрения его заявления (см. выше).

100 . В то же время Власти утверждают, что в рамках производства в отношении убежища они имели в распоряжении больше средств для изучения утверждения заявителя о наличии угрозы жестокого обращения. В этом отношении они ссылались на три решения национальных судов в рамках разбирательств по предоставлению убежища в отношении других лиц. Они также заявили, что национальные власти внимательно изучили утверждения заявителя, сделанные в отношении угрозы жестокого обращения, и обоснованно отклонили их (см. пункт 52 выше).

101 . В отношении того факта, что Власти ссылаются на решения национальных судов в отношении третьих лиц, Суд указывает, что они не предоставили копии

соответствующих документов. В любом случае, как Суд отмечал уже несколько раз, он не призван абстрактно (*inabstracto*) оценивать соответствие законодательства и практики положениям Конвенции, а определить, существует ли средство защиты, совместимое со статьей 13 Конвенции, которое позволяет заявителю получить соответствующую компенсацию в отношении его конкретной жалобы (см., среди других источников, «G.H.H. и другие против Турции» (*G.H.H. and Others v. Turkey*), жалоба № 43258/98, пункт 34, ECHR 2000-VIII).

102 . Заявитель по данному делу поднял вопрос об угрозе ненадлежащего обращения перед миграционными службами и судами, в рамках производства в отношении предоставления убежища, сделав подробные заявления в этом отношении и поддерживая свои утверждения ссылкой на применимые доклады международных организаций, а также свой предполагаемый опыт жестокого обращения. По утверждению Властей, для местных органов власти не существовало законных или фактических препятствий к рассмотрению его заявлений. Однако, как было установлено выше, никто из них не произвел надлежащего и тщательного рассмотрения требований заявителя (см. пункты 70 и 72 выше).

103 . Отсюда следует, что суды не стали тщательно рассматривать утверждения заявителя относительно того, что для него существует угроза подвергнуться жестокому обращению в случае выдворения в Узбекистан (ср. «Абдулажон Исаков» (*Abdulazhon Isakov*) и «Юлдашев» (*Yuldashev*), упомянутые выше, пункты 137 и 111 соответственно). Следовательно, одно из ключевых требований, касающееся понятия эффективного средства правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции в конкретном контексте выдворения (см. пункт 98 выше), в рамках данного дела выполнено не было.

104 . Соответственно, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции, поскольку в обстоятельствах данного дела заявителю не были предоставлены на практике эффективные и доступные средства правовой защиты в связи с его жалобой по статье 3 Конвенции.

105 . С учетом этого, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть доводов заявителя по этому вопросу.

II. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

106 . Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее решение не станет окончательным, пока (а) стороны не заявят, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, (б) в течение трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит запроса о передаче дела в Большую Палату, или (в) коллегия Большой Палаты не отклонит все запросы о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

107 . Он считает, что указание, данное Властям в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда (см. выше, пункт 4), должно оставаться в силе до момента вступления настоящего постановления в законную силу.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

108 . Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий данного нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

109 . Заявитель требовал 10 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального ущерба за страдания и мучения, которым он подвергся в связи с угрозой жестокого обращения и в результате действий и решений российских властей.

110 . Власти утверждали, что требование заявителя является чрезмерным и что сам факт установления нарушения его конвенционных прав, если Суд установит таковое, будет достаточной справедливой компенсацией.

111 . Суд отмечает, что по данному делу пока не произошло какого-либо нарушения статьи 3 Конвенции. Тем не менее, он установил, что решение о выдворении заявителя, в случае его осуществления, приведет к нарушению данного положения. Он считает, что его вывод в отношении статьи 3 Конвенции сам по себе является надлежащей справедливой компенсацией по смыслу статьи 41 Конвенции (см. «Дауди против Франции» (*Daoudiv. France*), жалоба № 19576/08, пункт 82, от 3 декабря 2009 г., и «Чахал» (*Chahal*), упомянутое выше, пункт 158). Те же соображения применимы и к связанному выводу Суда в отношении статьи 13 Конвенции (см. «Гебремедин против Франции» (*Gebremedhin [Gaberamadhién] v. France*), жалоба № 25389/05, пункт 79, ECHR 2007-II, и «Раза против Болгарии» (*Razav. Bulgaria*), жалоба № 31465/08, пункт 88, 11 февраля 2010 г.).

Б. Судебные издержки и расходы

112 . Заявитель также требовал 2694,45 фунтов стерлингов (GBP) в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных при рассмотрении дела в Суде, из которых 600 фунтов стерлингов являются платой за услуги К. Коротеева, из расчета 150 фунтов стерлингов за час работы, а 2094,45 фунтов стерлингов являются платой за работу переводчиков и компенсацией административных расходов. Он просил, чтобы эти суммы были перечислены на счет его представителей в Великобритании.

113 . Власти утверждали, что копии некоторых счетов на оказание переводческих услуг не имели печатей, и поэтому не имеется доказательств того, что заявитель в действительности выплачивал эти суммы.

114 . В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном количестве. Суд принимает во внимание заявление Властей относительно счетов без печати представителей заявителя. Кроме того, он отмечает, что заявитель не обосновал свои требования в отношении услуг, предоставленных Коротеевым, поскольку он не

представил каких-либо соответствующих актов работ или соглашений. Кроме того, имя Коротеева не было упомянуто ни в одной из доверенностей, представленных заявителем. Ввиду вышеизложенного и принимая во внимание документы, находящиеся в его распоряжении, и вышеуказанные критерии, Суд присуждает заявителю 1800 евро, которые должны быть перечислены на банковский счет его представителей в Великобритании, как было указано заявителем.

V. Проценты за просрочку платежа

115 . Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;

2. *Постановляет*, что исполнение решения о выдворении заявителя в Узбекистан составило бы нарушение статьи 3 Конвенции;

3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;

4. *Решает* продлить действие указания, данного Властям в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, что в интересах надлежащего проведения разбирательства заявитель не должен быть выслан до тех пор, пока настоящее постановление не станет окончательным, или до получения дальнейших указаний;

5. *Постановляет*

(а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции власти государства-ответчика должны выплатить заявителю 1800 (одну тысячу восемьсот) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться указанная сумма, на банковский счет его представителей в Соединенном Королевстве;

(б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев на присужденные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

б. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление разослано в письменной форме 8 ноября 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель